

ЛИТЕРАТУРНОСТЬ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

У статті розглянута літературність як можлива комунікативна стратегія у межах філософської антропології.

Ключові слова: літературність, комунікація, філософська антропологія, дискурс, постмодернізм.

В статті рассмотрена литературность как возможная коммуникативная стратегия в границах философской антропологии.

Ключевые слова: литературность, коммуникация, философская антропология, дискурс, постмодернизм.

The literariness as a possible communicative strategy within the boundaries of philosophical anthropology is regarded.

Key words: literariness, communication, philosophical anthropology, discourse, postmodernism.

Вступление. Философская антропология как течение в философии возникла в XX веке как неизбежная реакция на возникновение множества наук, направленных на изучение человека в различных аспектах, как тоска по целостному знанию о человеке. Однако результатом подобной попытки стало лишь возникновение «суммарного» знания о человеке. Некритичное использование языка науки привело философскую антропологию к столкновению с проблемой языка выражения. Основная антропологическая задача, — «практика себя», — требует поиска новых коммуникативных стратегий в философии, лишившейся духовного трансцендентального измерения.

Цель исследования заключается в попытке продемонстрировать возможность литературности как антропологического проекта.

Анализ последних публикаций. Связи философии с литературным дискурсом в той или иной иерее посвящены работы С. Аверинцева, М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Р. Рорти, Ц. Тодорова.

Результаты исследования. П. Адо, утверждая, в общем, вполне очевидную истину, высказал то, что многие философские сообщества отказываются признать: философия как «стиль жизни», как «практика себя», как бы олицетворяемая просматриваемой и прослушиваемой со всех сторон государства-полиса рыночной площадью (где торговали не только овощами и оружием, но и мыслями), — по-гречески *αγορα*, — перестала существовать и трансформировалась (несмотря на плодотворные часто семинары и конференции) в философский дискурс [1].

Попытка же некоторых мыслителей экстерриториализировать чистое «эфирное» пространство мышления есть прагматическое (в не

очень удачном семиотическом смысле этого слова) продуцирование *воображения* референции, отсутствующее, как правило, в «объективных» классических парадигмах философствования, предполагающих некую единую изначальную и конечную тождественность мыслящей субъективности, для своего правильного функционирования нуждающейся (в конечном счете) в непротиворечивой самодескриптивности. Однако, как нам кажется, сфера воображения (при всех оговорках, касающихся, например, случайности научных открытий), востребованная прежде всего искусством (и литературой как словесным, «напечатанным» искусством), способна «захватить» многих адресатов, неспособных к логическому конструированию понятий, и дать им возможность, используя их частные, подчас непредугаданные, таланты и стимулируя их мышление в представлениях, достичь (само)понимания.

Субъект, чье авторитетное «*cogito*» оказалось под вопросом («треснутое «я» Делеза), начиная с Маркса, Ницше, Керкегора, Фрейда, уже «телесно» (социально, генетически и т.д.) достраивается. Соответственно дискурс в философии уже не может оставаться посторонним по отношению к классовым, возрастным, половым, психологическим, национальным и прочим различиям и поэтому стремится (прямо или косвенно) их учитывать.

Очередной скандал в философии, уже с трудом мыслящей себя строгой наукой, назревал давно. И единственное, что может уберечь ее от распада на отдельные дисциплины, — социологию, этику, психоанализ и прочие, — это сама возможность не столько описания, но некоего опережающего конструирования, воображения-показа, антропологического проекта, совершаемого посредством акта письмо/чтение, предлагающего возможную многозначность сообщения, его «непрозрачность», нуждающуюся в преодолении благодаря «мысли-поступку, чувству-поступку» (Бахтин).

Недоверие к «чистоте» мысли, порожденное постмодернистской ситуацией (или породившее ее), не отменяет испытывающего взгляда на саму литературность философского текста (или, шире, любого дискурса, действующего «риторику» и связанные с ней вопросы: авторства, жанра, стиля, тропов и т.д.), о чем в свое время осуждающе писал Кант: «Красноречие... есть такая диалектика, которая заимствует у поэзии лишь столько, сколько ей нужно для того, чтобы до суждения привлечь слушателей на сторону оратора и ради его выгоды лишить их *свободы* (курсив наш — А.С) суждения» [2, с. 346].

Лакуны в тексте, заполняемые продуктивным читательским со-творчеством как «рефлексией второго порядка», «открытые» относительно недавно бартовской семиологией и рецептивной эстетикой (Rezeptionsaesthetik), — не просто место созидания смысла, отведенное всего лишь для игры воображения как функции творческого субъекта, передоверенной потребителю литературного (философского) продукта, но, возможно, та территория, где этот смысл только и возможен.

Желание современной философии избавиться от метафизики, и невозможность сделать это, ведет к партикулярным попыткам перепрыгнуть порог критики, по-прежнему воспроизводящей трансформированный метафизический язык, и окунуться в стихию чистой бытийственной длительности (к этому близко подходит Делез со своей теорией «планов» и «концептов»), что и творит в некоторых своих произведениях Деррида, разыгрывая неотменимую длительность культурфилософских элементов-имен, связи между которыми, несмотря на все старания автора, «распутыванию» не поддаются, что грамматологией только одобряется (например, в «Почтовой открытке»). Воспользуясь музыкальной метафорой, можно сказать, что он, словно теоретик-композитор, сначала становится за дирижерский пульт, а затем выступает в роли виртуоза-исполнителя, играющего собственные произведения, что является закономерным итогом постмодернистских исканий, реализующих «имманентную» ницшевскую мечту, с наслаждением отменяющую безобразное состояние Орфея, который «больше не поет, он пишет и предается утешению с Платоном» [3, с. 34].

Таким образом, объявленный постмодернизмом (как ранее позитивизмом), релятивистским смысл экзистенциальной жизни, связанной, по мнению Ясперса, со смыслообразующей доминантой — толкованием трансцендентного, приводит к признанию равноправия множественности языков, уже не просто описывающих или выражающих, но именно *создающих* реальность, в том числе «мнимую реальность многих философских проблем», что связано с нарушением использования тех или иных правил «языковой игры». Разбор отношений между наукой, философией и искусством (при всей взаимопретексаемости этих понятий) представляет собой отдельную тему исследований, к которой интересующая нас проблема имеет косвенное отношение, а именно отношение антропологическое, связанное не «идейным» характером, а характером «верования»

(Ортега-и-Гассет), влекущим за собой выбор того или иного существующего словаря выражения, изменения его или (как утопическая надежда) создание нового.

Пример «антропологического» (а не просто «социального») разбора нескольких биологических теорий, произведенного (хотя и очень неполно) О.Мандельштамом в его работе «Литературный стиль Дарвина», может послужить хорошим доказательством литературного прочтения не одних лишь произведений художественной (что, само собой, филологически естественно) литературы, но и литературы научной.

Говоря об экзистенциальном принципе познания, отрицающем позитивистское различие мира фактов и мира ценностей и утверждающего «волюнтаристский», или, в менее резких выражениях, связанный с антропологическим выбором (свободным или бессознательным), характер предпочтения одного языкового «упорядочивания» мира другим, Мандельштам, словно опытный психоаналитик, прошел обратный путь «расшифровки» от языкового явления к антропологической сущности, сравнив биологические теории Линнея, Ламарка и Дарвина.

Естественно, можно, и даже нужно говорить о социальных причинах, повлиявших на ту или иную теорию, однако интересующий нас собственно антропологический аспект проблемы представляется первичным, смысломоделлирующим, несмотря на свою, быть может, менее заметную артикулируемость в явлениях социальной, эстетической или, как в предлагаемом случае, научной жизни.

Сравнивая литературные особенности, стилевые отличия (ведь материал исследования остается по-прежнему общим — живые существа) текстов вышеперечисленных биологов, Мандельштам показывает «проповеднический» характер линнеевской теории: «Его систематика служила обедню, умиляясь изящному и целесообразному строению...живых тварей... Он демонстрировал во славу и в доказательство разумности творца — всякие всячины, курьезы, редкости и красоты органической природы» [4, с. 368]. Приводя еще один впечатляющий пример «эстетского», в данном случае, «дворянского» описания (*chrysothrix asiatica* — «азиатская козявка») энтомологического экземпляра, произведенного Палласом (18 век), Мандельштам указывает на «барскую изощренность и чувствительность глаза», где «выхоленность и виртуозность описи доведена до предела, до крепостной миниатюры», противопоставляя

ему (описанию) с одной стороны — Ламарка, с другой — Дарвина. «Ламарк, полный предчувствия истины и захлебывающийся от отсутствия конкретных подтверждающих ее фактов и материалов..., — прежде всего *законодатель*, он говорит как член Конвента. В нем и Сен-Жюст, и Робеспьер. Он не столько доказывает, сколько декретирует законы природы».

Активно проявившаяся (как в гносеологии Канта) законодательная программа Просвещения наиболее полно воплотилась в знаменитом «Происхождении видов» Дарвина. Стоящая за социальной (буржуазной) научностью антропологическая антииерархическая идея равенства, доказывает и показывает Мандельштам, является «перводвигателем» дарвиновской деятельности, как научной, так и литературной. Эгалитарный принцип его профессиональной деятельности проявился во многом: «Происхождение видов» было рассчитано на «завоевание широчайших читательских масс», естественнонаучные труды Дарвина, взятое как литературное *целое* ..., — не что иное, как кипящая жизнью и фактами и бесперебойно пульсирующая *газета* природы» [4, с. 368]. В то же время господствующий в науке (и влияющий на «moral sciences», — герменевтику, историю и т.д.) методологизм XIX века не оставляет шансов целостному подходу к образованию: «коневодства, птичники, питомники... принадлежащие специалистам, людям самостоятельного и ограниченного опыта, обслуживают Дарвина» [4, с. 369]. Листающий «книгу природы — не как Библию..., а как деловой справочник, биржевой указатель, индекс цен, примет и функций», английский ученый избегает описательства и занят только одним — характеристикой классифицируемого материала, чтобы им легче было воспользоваться в дальнейшем. Нелюбовь к цитатам, в противоположность одной из основных добродетелей блюдущих неприкасаемый авторитет традиции средневековых «грамотеев», «объективизм», «хозяйственный и дружеский тон — как признак уверенности в «классовой солидарности», «тяга к читателю–середняку,...джентльмену средней руки», *селекционный* (курсив наш — А.С.) принцип систематизации материала и прием «серийного разворачивания признаков» — серьезные «стилистические» доказательства социальной принадлежности ученого и, шире, учитывая вызванный им «обезьяний скандал», его антропологического верования, позволяющего ему, с одной стороны, помнить и блестяще реализовывать библейское благословление заботы и

«совершенствования» вверенных человеку «братьев меньших», а с другой — напроочь забыть о более важном аспекте спасения — совершенствовании *в самом себе* Божьего образа.

Уроки Манделштама, Деррида, Делеза поучительны для мышления, пренебрегающего текстуальной непрозрачностью, и это нельзя не учитывать философии, силящейся с прежней невинностью и наивностью ставить и решать ее традиционные проблемы, предлагать занимающимся ею обрести более высокую степень сопричастности Абсолютному (трансцендентальному означаемому, понятию), не замечая при этом, что ритуально-репродуктивный и рефлексивный характер существования современного общества скептичен в той мере, в какой он уже не доверяет а priori универсальному (в различных его реинкарнациях) и вынужден иметь дело опосредованно с текстами, оглядываясь на них, «разоблачая» их, и все же неизбежно вновь к ним возвращаясь. Самопонятная прозрачность сообщения затемняется по причине внезапного исчезновения подразумеваемых прежде референта и адресата и, оплотнев, утверждает свою весомость, последнюю на данный момент весомость фиксации, чьи интерпретации (как это демонстрируют деконструктивисты), могут множиться в бесконечном количестве. Поэтому, на свой лад, деконструктивисты, продолжая герменевтическое осмысление философии, определяемой как диалог, разворачивающийся в бесконечности, вносят небольшую «каббалистическую» поправку, заменяя диалог — текстом (слово — буквой).

Выводы. Таким образом, в условиях, когда философ имеет дело не с гносеологическим субъектом, а с множественностью жизненных проектов, «практик себя», становится невозможным игнорировать возрастные, половые, национальные, психологические, культурные и другие различия. Возникает угроза распада единого философского дискурса на множество отдельных «философий» (гендерной, этнофилософии и прочих). Выход из данной ситуации видится в антропологическом проекте, предполагающем опережающее конструирование, воображение-показ, совершаемый посредством акта письма-чтения, при котором «непрозрачность» сообщения будет нуждаться в преодолении благодаря «мысли-поступку», «чувству-поступку» (М.Бахтин). В этих условиях литературность может стать антропологическим проектом.

Литература

1. Адо П. Что такое античная философия? / П. Адо. — М. : Гуманит. лит., 1999. — 320 с.

2. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 5: Критика способности суждения / И. Кант. — 1994. — 414 с.

3. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Ж. Деррида. — Минск : Современ. литератор, 1999. — 831 с.

4. Манделъштам О. Литературный стиль Дарвина / О. Манделъштам // Манделъштам О. Сочинения в 2 т. Т.2. Проза. Переводы. — М., 1990. — С. 367-373.

Апанасенко Г.Л., Гришин И.Я., Прасол С.Д.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ Г.С. СКОВОРОДЫ В XXI ВЕКЕ (В ДИСКУРСЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА)

В работе представлена связь философских позиций Г.С. Сковороды с современным светским общественным идеалом, указывающим выход из духовного кризиса классического и неолиберализма (идеологии «стабильного развития»). Сущность этого идеала состоит в расположении членов общества в ролевой реальности по принципу «Сродственного труда».

Валеология – безальтернативный путь совершенствования существующей системы охраны индивидуального и социального здоровья, присущей обществу социально ответственной свободы – идеологическому следствию мировоззрения Г.С. Сковороды, развитому школой А. Ф. Плахотного.

Здоровье, как и «стабильное развитие» – это средство достижения нравственного идеала.

Ключевые слова: Валеология. Сродственный труд. Свободный труд. Культура свободного времени. Светский общественный идеал. Гуманизм. Г. Сковорода.

Необратимые перемены в духовной, материальной, социальной жизни человечества привели к затяжному духовно-экономическому кризису XX – XXI столетий.

Выход из кризиса определяет современно артикулированная философия социально-этических поучений Г.С. Сковороды в сочетании с современной трактовкой формационно-образующей категории социальной ответственности (проф.А. Плахотный, 1982).

Перечислим определяющие факторы кризиса:

1) Бездуховность общества. Утрата позиций этики Веры при том, что концепция духовных ценностей Знания общества не предложена.

2) Феноменальные достижения современной технологии материального и духовного производства к началу III тысячелетия привели к увеличению свободного времени личности и общества – величайшей ценности культуры. Деструктивные формы использования свободного времени, свободной энергии общества (зависимости, гиподинамия, безработица, нищета, этнические и религиозные войны...) привели к биологической деградации человеческой популяции (Г.Апанасенко, 2014).

3) Финансово-экономические эквиваленты свободной энергии общества (капиталы, производственные мощности, ископаемые